

ВЫПИСКА ИЗ СОБСТВЕННОРУЧНЫХ ПОКАЗАНИЙ

арестованного быв. Наркома Внутренних дел БССР
НАСЕДКИНА А.А. от 4 марта 1939 года.

Считаю необходимым сообщить следственным органам известные мне данные в отношении прокурора Союза ССР-ВЫШИНСКОГО А.А.

В 1917 г. после февральской революции я примкнул к группе студентов б. коммерческого института / теперь институт им. Плеханова/.

Во главе этой студенческой группы находился студент ОВСЯННИКОВ - член. с-д партии большевиков, кроме него большевиками были еще несколько человек, как-то: КОЧНОВ, КИРСАНОВ, ЮДЕНИЧ, Мария Петровна - фамилии не помню.

В 1917 г., когда царизм был свергнут, то ОВСЯННИКОВ, заняв Якиманский комиссариат, включил и нас в работу по организации снабжения продовольствием Якиманского участка / тогда это так назывался, по существу это был почти теперешний Москворецкий район /.

Помню, примерно, в мае месяце нам удалось достать на путях два вагона крупы манной. Эти вагоны стояли на запасных путях Рязано-Уральской ж.д. около двух месяцев и никто их не выкупал. Тогда ОВСЯННИКОВ договорился с профсоюзными комитетами заводов и фабрик Якиманского участка, были собраны деньги, уплачены железной дороги и эта манная крупа была организованным путем распределена между этими предприятиями.

Этот случай вызвал огромное возмущение комиссара ПОТАПОВА, ОБСЯННИКОВ был вызван на специальное совещание или заседание, где присутствовали член городской управы / но кто- не знаю/ и присутствовали также ряд крупных меньшевиков, как передавал нам ОБСЯННИКОВ, как-то: РЯБОВОЛ, присланный поверенный ВЫШИНСКИЙ и еще ряд лиц, но фамилии их я не помню, так как очень много время с тех пор прошло.

На этом заседании ОБСЯННИКОВУ было брошено обвинение в дезорганизации, в большевистской демагогии.

Таким образом наша работа продолжалась до июня 1917г. когда вдруг нас всех обязали явкой в помещение б. коммерческого института / на Щипке /. Это было примерно в середине июня 1917 г., в зале заседаний, как сейчас помню, нас поместили всех во главе с ОБСЯННИКОВЫМ на одной скамейке, впереди же в президиуме сидели человек шесть, из коих я узнал от КОЧНОВОЙ или КИРСАНОВА, что председательствует быв. крупный торговец ПРЯНИШНИКОВ или ХЛЕБНИКОВ, рядом с ним сидел АРУТЮНЯНЦ Петр, который, якобы, в их институте занимал какую-то промежуточную позицию между большевиками и меньшевиками, с правого бока сидел рыжеватый молодой человек, который был мне назван присяжным поверенным- ВЫШИНСКИМ и рядом с ним сидел комиссар ПОТАПОВ.

Председатель этого суда, а нам сказали, что нас будут судить, ПРЯНИШНИКОВ стал опрашивать в первую очередь

ОВСЯННИКОВА и первым вопросом задал - "Ваши политические взгляды". ОВСЯННИКОВ ответил, что он член партии большевиков. Таким образом, все мы были опрошены / я не был большевиком в то время, но был в числе сочувствующих./.

✓ После ряда вопросов о нашей работе, было предоставлено слово присяжному поверенному ВЫШИНСКОМУ, который выступил буквально с громовой и блестящей речью. Всю его речь я за давностью времени не могу воспроизвести, но отдельные его выражения и восклицания до сих пор памяты, как будто это было вчера.

ВЫШИНСКИЙ свою речь свел к тому, что ОВСЯННИКОВ и "иже с ним большевистская сволочь" / это его доподлин-
ные слова / своей " гнусной дезорганизаторской деятель-
ностью и демагогией, подрывают устой государственного
строя, подрывают революцию, вызывают анархию" и т.д.

" Надо эту большевистскую нечисть выжигать каленым железом", это его были заключительные слова. Он требовал в отношении нас и, особенно, ОВСЯННИКОВА, самого сурового наказания - ареста и проч.

В общем суд вынес решение изгнать всех нас из Якиманского участка и на этом было закончено заседание.

Через несколько дней я узнал, что ОВСЯННИКОВ был арестован и также были арестованы еще несколько человек из нашей группы. У меня был обыск, но я на квартиру не ходил и жил у одного рабочего.

В 1926 году я работал инструктором Хамовнического райкома ВКП /б/ и был включен в комиссию МК ВКП /б/ по пересмотру апелляций, исключенных в 1925 г. из Вузов студентов. Комиссия должна была работать в 1-м МГУ, когда мы туда пришли, то нас провели к ректору, университета, который оказался ВЫШИНСКИМ А.Я. Я слышал, что ректором является ВЫШИНСКИЙ, но не думал, что это тот ВЫШИНСКИЙ, который выступал в качестве обвинителя в 1917 году.

Во время здравования ВЫШИНСКИЙ взглянул на меня и спросил, что он где-то меня встречал. Я ему ответил, вернее напомнил 1917 г. и назвал группу ОВСЯННИКОВА. ВЫШИНСКИЙ смутился довольно сильно, но потом, развел руками и сказал: "Ну знаете тогда было такое время, я заблуждался". И еще что то он пробормотал, насчет профессии своей и т.д.

Больше у меня с ВЫШИНСКИМ никаких разговоров не было. Правда, встречаясь иногда на заседаниях или конференциях и здороваясь друг с другом, я всегда замечал у него некоторое смущение, он всегда быстро уходил и никогда не заговаривал. Так как об его меньшевистском прошлом было безусловно, повидимому, известно ЦК ВКП /б/ то я и не придавал значения этому факту или эпизоду из его деятельности в 1917 году, рассказывая об этом только устно, в частности быв. секретарю Хамовнического Райкома ЮРЕВИЧУ, секретарю ЦК ВКП /б/ Белоруссии - ПОНОМАРЕНКО и еще не помню кому.-

Выписка верна :

ЗАМ. НАЧ. 9 ОТД. 2 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ:

Доронкин / ДОРОНКИН /

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

арестованного ЕРЕМИНА Моисея Никитича - быв. прокурора Западной области.

От 14 февраля 1939 года.

Несколько позднее, примерно в первой половине 1931 года я из разговора с ШОРОХОВЫМ узнал, что к антисоветской группировке правых принадлежат ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ.

Получилось это так.

В связи с приходом ВЫШИНСКОГО на работу в органы Прокуратуры среди коммунистов появились разговоры о том, что ВЫШИНСКИЙ в прошлом был активным меньшевиком и являлся будто-бы членом ЦК меньшевиков. В связи с этими разговорами я спросил ШОРОХОВА, слышал-ли он об них, ШОРОХОВ мне ответил, что разговоры о меньшевистском прошлом ВЫШИНСКОГО он слышал, но достоверно о принадлежности к меньшевикам ВЫШИНСКОГО не знает. При этом ШОРОХОВ добавил, что от ЧЕЛЫШЕВА ему известно о том, что ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ входят в состав антисоветской группы правых вместе с КРЫЛЕНКО.

Кроме того, о причастности ВЫШИНСКОГО и РОГИНСКОГО к антисоветской группе правых мне говорил также и САХОВ. Разговор с САХОВЫМ на эту тему у меня был вскоре после разговора с ШОРОХОВЫМ.

Вопрос: Может быть вы снова оговариваете невиновных людей?

Ответ: Нет, я теперь никого не оговариваю, а в отношении ВЫШИНСКОГО и РОГИНСКОГО я впоследствии, т.е. в 1931 году имел разговор с КРЫЛЕНКО, который мне также подтвердил причастность ВЫШИНСКОГО и РОГИНСКОГО к анти-советской группировке правых.

Вопрос: Расскажите подробнее о вашем разговоре по этому поводу с КРЫЛЕНКО?

Ответ: У меня всего было два разговора с КРЫЛЕНКО в 1931 году. Первый разговор начался с того, что я сообщил КРЫЛЕНКО о разговорах, которые велись среди коммунистов Прокуратуры по поводу меньшевистского прошлого ВЫШИНСКОГО. КРЫЛЕНКО мне сказал, что о меньшевистском прошлом ВЫШИНСКОГО он точных данных не имеет, но тут же добавил, что ВЫШИНСКИЙ имеет правые настроения и с ним можно будет легко "сработаться". В этом же разговоре КРЫЛЕНКО мне сообщил, что он добился назначения в Прокуратуру РСФСР РОГИНСКОГО, который тоже является своим человеком.

Через некоторое время (примерно, месяца через 2) я имел вторичный разговор с КРЫЛЕНКО о ВЫШИНСКОМ и РОГИНСКОМ, которые имеют правые настроения и приводят эти взгляды в своей практической работе.

Вопрос: Вы в своих предыдущих показаниях от 14-

июля 1938 года указывали, что со слов КРЫЛЕНКО вам было известно, что ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ являются участниками контрреволюционной право-троцкистской организации. Теперь же вы говорите о том, что ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ имеют настроения и проводили их в практической работе.

Которое из этих показаний верно?

Ответ: - Если говорить прямо, то я нисколько не сомневаюсь в том, что ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ являются участниками антисоветской организации правых, но как ВЫШИНСКИЙ, так и РОГИНСКИЙ мне лично в этом не сознавались. КРЫЛЕНКО говорил о них, как о людях, проводивших в практической работе линию правых. ШОРОХОВ и САХОВ говорили мне, что ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ примыкают к группировке правых. И если эти люди не называли ВЫШИНСКОГО и РОГИНСКОГО просто контрреволюционерами, то только потому, что в нашем жаргоне это слово обычно не употреблялось. Контрреволюционность маскировалась легкими выражениями, иначе было нельзя. Этот вопрос о принадлежности ВЫШИНСКОГО и РОГИНСКОГО к право-троцкистской организации уточнялся уже на очной ставке между мною и КРЫЛЕНКО. Я не помню сейчас дату этой очной ставки с КРЫЛЕНКО, она кажется, была в июле месяце 1938 года.

Вопрос: - В деле имеется протокол очной ставки между вами и КРЫЛЕНКО, датированный 28-го июля 1938 г. о нем вы говорите?

Ответ: - Совершенно верно, речь идет об этой очной ставке.

Я тогда заявил, что КРЫЛЕНКО мне говорил о принадлежности к право-троцкистской организации ВЫШИНСКОГО и РОГИНСКОГО.

А КРЫЛЕНКО, не отрицая разговора со мной, показал, что он точно не помнит, говорил ли мне прямо о том, что ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ являются участниками право-троцкистской организации, но допускает, что разговор между нами велся, в плоскости, что ВЫШИНСКИЙ либерал, а РОГИНСКИЙ "свой" человек, т.е. человек с правыми на-
строениями.

КРЫЛЕНКО явно не договаривал и на очной ставке употреблял те же легкие выражения в оценке политического лица ВЫШИНСКОГО и РОГИНСКОГО, какие обычно употреблялись в разговорах между нами для маскировки нашей контрреволюционности. Я лично считаю, что после того, как мы уже разоблачены, надо называть все собственными именами и договаривать все, что раньше не договаривалось.

Вопрос: - Как же все таки, ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ являются участниками контрреволюционной организации или не являются?

Ответ: - Я лично убежден, что они оба являются участниками организации правых. Это я, помимо разговоров с ШОРОХОВЫМ, САХОВЫМ и КРЫЛЕНКО, основываю еще и на личных разговорах с ВЫШИНСКИМ.

Вопрос: - Какие у вас разговоры были с ВЫШИНСКИМ?

Ответ: - После вступления в обязанности прокурора Республики, ВЫШИНСКИЙ стал знакомиться с руководителями отделом. Вызвал однажды и меня. Я, докладывая ВЫШИНСКОМУ о работе руководимого мною судебно-следственного отдела, сказал ВЫШИНСКОМУ, что КРЫЛЕНКО в мою работу не вмешивался, приходилось все вопросы решать самому на свой риск, поэтому ряд вопросов я решал не без ошибок, как говорится, правой практики. ВЫШИНСКИЙ мне на это ответил: "Ну, на счет правой практики, иногда больше раздувают, чем есть на самом деле, продолжайте пока работать так, как вы работали и раньше, информируйте меня о своей работе, а о политической линии более подробно поговорим в другой раз".

Через некоторое время мне снова пришлось беседовать с ВЫШИНСКИМ.

Доложив ему о своих делах, я затронул вопрос о том, что в работе судов по ряду дел выявляется явно правая линия и спросил ВЫШИНСКОГО, будем - ли мы коренным образом исправлять ее. ВЫШИНСКИЙ мне ответил: Будет время, само собой все исправится, а пока работай так, как работал и раньше.

Эти разговоры с ВЫШИНСКИМ убедили меня в причастности его к антисоветской группировке правых.

Вопрос: - ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ вам лично не говорили о том, что они являются участниками антисоветской организации правых?

Ответ: - Прямо о своей принадлежности к антисоветской организации правых мне ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ не говорили, но самая практика их работы и разговоры со мной не вызывают никакого сомнения в их принадлежности к организации правых.

...Кажется, в 1929 году или в начале 1930 года мне пришлось участвовать в следствии по делу Союзного бюро меньшевиков.

В этом же деле принимали участие в следствии, кажется ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ, КРЫЛЕНКО распределил между нами арестованных, оставив себе для допроса ГРОМАНА, СУХАНОВА, БАЗАРОВА.

...По линии подготовки кадров ничего серьезного не предпринимали.

Для работающих в органах Прокуратуры и суда была создана такая обстановка, что работать было невозможно.

Честные работники, видевшие поощряемый в Прокуратуре и суде бюрократизм, семейственность и волокиту не выносили этого и разбегались. Именно по этим же мотивам ушел с работы и я.

Ряд работников, которым не удавалось уходить с этой работы, искали всякие поводы, чтобы вырваться из затхлого оппортунистического болота, царившего в Прокуратуре и суде.

Новые кадры почти не готовили. Окончившие правовые ВУЗ"ы тоже рассасывались по другим учреждениям и организациям, всячески избегая оставаться на работе в суде и Прокуратуре.

ВЫПИСКА ВЕРНА:

ЗАМ НАЧ 9 ОТД 2 ОТДЕЛА ГУТБ НКВД СССР
ЛЕИТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:

Доронкин (ДОРОНКИН)

ВЫПИСКА

из протокола допроса арестованного **КРЫЛЕНКО** Николая Васильевича - быв. Наркомюста С С С Р.

от 28 июля 1938 года.

"С **ВЫШИНСКИМ** ни до революции, ни в годы революции я не встречался и его совершенно не знал. При формировании прокуратуры в 1923 году, он также был вне поля моего зрения и лишь в 1926-1927 г.г. (может быть 1925-26 г.г.) точно не помню, он был привлечен мною на работу в Прокуратуру при Верховном суде РСФСР, где выступал в качестве обвинителя по некоторым крупным хозяйственным процессам (одному или двум) и вскоре ушел в Наркомпрос в Главпрофобр деканат Московского университета.

Следующая встреча относится к 1928 г., в момент назначения его председателем суда по шахтинскому делу и по процессу Промпартии в 1930 году. В перерывах никакого отношения у меня с ним не было и я с ним не встречался. Более близко я встречался с ним и сошелся на теоретическом фронте в период попытки провести в жизнь проект уголовного кодекса Комкадемии.

Дискуссия была уже закончена, проект кодекса внесен в Совнарком РСФСР и одновременно в ЦК, а **СУЛИМОВ** назначил **ВЫШИНСКОГО** председателем комиссии по рассмотрению проекта кодекса. Комиссия была очень большая и пестрая по своему личному составу (**ЛАРИН**, **ГРОССМАН** - из КПК, **ЯКОВЛЕВА**, **НАЗАРЕТЯН**) и еще целый ряд лиц) и работала в далеко неполном составе. Но **ВЫШИНСКИЙ**, как ее председатель, целиком стоял на позиции проекта со всеми его левацкими и вредительскими чертами - отрицание дозировки прокламирование "ориентировочного" характера перечня преступлений, нивелировочный характер "твердых сроков" и проч.

В том же духе была составлена и подписана мной и им соответствующая докладная записка в ЦК и СНК.

К этому же времени конца работы проекта кодекса относится мысль о привлечении **ВЫШИНСКОГО** на работу в НКЮ, сначала в качестве члена коллегии по руководству вузами, а затем по прокуратуре

Последняя была идея СУЛИМОВА, получившая реальное осуществление в конце 1931 г. и в начале 1932 г.

В качестве прокурора республики и зам. Наркомюста (вместе со СТУЧКА и затем БУЛАТОВА по Верх. суду РСФСР по тюрьмам), ВЫШИНСКИЙ проработал до июня 1933 года, когда был назначен замом АКУЛОВА во вновь организованной прокуратуре Союза

Характерными чертами, как работника, была исключительная работоспособность, точность и исполнительность и поразительное умение владеть собой и такая же исключительная мягкость и культурность во внешнем обхождении.

Изменяла ему эта выдержка очень редко, но зато, если уже изменяла, то в очень резких и грубых формах (вскакивание с места, крик, немотивированный демонстративный уход с заседаний и проч. Таких случаев я помню два-три "сорвался с нарезов" - так я характеризовал эти выходы).

Политически я всегда считал ВЫШИНСКОГО, как бывш. меньшевика, сохранившего все их типичные черты - оппортунистическое искажение компромиссов, преклонение в глубине души перед формами "легальной демократии", отрицание диктатуры, в особенности жестких форм ее правления и проч. В служебных отношениях я встретил с его стороны всегда полную лояльность и полную солидарность и лишь один раз (начале 1933 г.) он мне заявил о своем несогласии по организационным вопросам (отстаивал самостоятельность прокуратуры внутри Наркомюста).

Все это давало мне уверенность в том, что он правый по натуре, истокам своего мировоззрения, политическому прошлому и симпатиям и, наконец, соц. положению - интеллигент и адвокат затем профессор.

К этой характеристике лишь впоследствии придававшую еще одну: политическую неискренность хамелеонство. В особенности это резко сказалось в теоретической дискуссии 1935 года. Когда он совершенно неожиданно в печати в своем докладе о кадрах (после речи И.В.СТАЛИНА 4-го мая) резко напал на меня по тем же самым вопросам, по которым занимал одну линию в 1931 году, смазав свое участие в этом деле. Политически те же по существу либерально правые установки он проводил в своих работах по уголовному процессу и судостроительству (вместе с УНДРЕВИЧЕМ - "Курс учен. процесса") и в своих законодательных новеллах) допущение защиты в стадии предварительного следствия, обязатель-

ный вызов обвиняемого в распоряжение заседания суда по его делу и проч.).

Наконец, те же правые нотки звучали в его выступлениях по поводу перегибов в судебной политике и прокур. работе, но все это в такой завуалированной форме, что не давало возможности поставить точек над и. Вот почему при всех внешних хороших отношениях я не ставил и не мог (до поры до времени) ставить вопроса о прямом контактировании с ВЕШИНСКИМ к.-р. работы, хотя и не боялся никакого "разоблачения" с его стороны. На это, думал я, он тоже никогда не пойдет. После весны 1933 года отношения приняли характер совершенно исключаящий такую близость.

ВЫПИСКА ВЕРНА:

ЗАМ. НАЧ. 2 ОТД. 2 ОТДЕЛА ПУТЬ
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ- *Дорожкин* (ДОРОЖКИН)

З А Я В Л Е Н И Е

обвиняемого ЕРЕМИНА Моисея Никитича.

К поданному мною заявлению считаю необходимым дополнить, что ВЫШИНСКИЙ и РОГИНСКИЙ в период их работы в Республиканской Прокуратуре в 1930-31 годах также разделяли право-троцкистские взгляды и примыкали к контрреволюционной группе, существовавшей в то время в Прокуратуре Республики, участниками которой являлись КРЫЛЕНЮ, НЮРИНА, САХОВ, ТРИСКО-ВИЧ, ЛАГОВИЕР и я. Обстоятельства, при которых мне стало известно об этом следующие: во время назначения ВЫШИНСКОГО прокурором Республики в аппарате среди коммунистов шли разговоры, что ВЫШИНСКИЙ в прошлом меньшевик и являлся членом меньшевистского ЦК. Об этих разговорах я поделился с участником организации Верхсуда ШОРОХОВЫМ, который мне сообщил, что о прошлом ВЫШИНСКОГО, он сказать ничего не может, а вот в отношении его политических взглядов и настроений в данное время, он от ЧЕЛЫШЕВА, также участника организации, знает, что ВЫШИНСКИЙ разделяет именно право-троцкистские взгляды, в последующем мне также подтвердил САХОВ. ВЫШИНСКИЙ вступив в обязанности прокурора Республики, начал с каждым из нас руководителем отдела знакомиться и подробно расспрашивать о работе, в том числе беседовал и со мной. В беседе о работе, он затронул работу Верхсуда, какова политическая линия его, работу касколлегий и как осуществляю я надзор за работой в

целом отдела им.Верхсуда.

На все поставленные и интересующие вопросы ВЫШИНСКОГО, дал ему исчерпывающие об"яснения и в конце заявил, что КРЫЛЕНКО в работу моего отдела не вмешивался, изредка я его информировал, когда считал необходимым поставить перед ним вопросы принципиального порядка, так что у меня выработалась и сложилась определенная линия, конечно, бывает и не без ошибок, как говорят, правой практики на конкретных делах. ВЫШИНСКИЙ мне ответил, что иногда больше раздувают, чем на самом деле есть, так что продолжайте информировать меня, как и КРЫЛЕНКО, а о политической линии в работе мы еще поговорим более подробно. Через некоторое время он снова имел со мной беседу и здесь затронул политическую линию судебно-уголовной политики Верхсуда, что из беглого ознакомления он приходит к выводу, о правильности ее. ВЫШИНСКОМУ я заметил, что в работе Суда имеется право-троцкистская практика и будем ли мы ее коренным образом исправлять. ВЫШИНСКИЙ ответил: "Время придет - исправится сама". Тогда мне стали понятны политические взгляды ВЫШИНСКОГО и в свою очередь я подробно рассказал о той контрреволюционно-вредительской работе, которую проводил Верхсуд по нашей линии. ВЫШИНСКИЙ мне на это заметил, что ему это известно, видимо от КРЫЛЕНКО, будем держаться прежней линии. Таким образом ВЫШИНСКИЙ и каждый из нас участников контрреволюционной группы проводили вредительскую работу, беря общий курс совместно с Верхсудом на снижение репрессий.

1. В центральной Прокуратуре она шла по линии дачи заключений в Касколлегию, добиваясь отмены приговоров по мотивам процессуальных нарушений, недоследованности и снижения меры наказания " за несоответствие содеянного".

2. Снятие протестов краевых прокуроров на явно вредительские приговора областных судов и оставление их без последствий. Если же краевой прокурор поднимал шум, пропускали в Касколлегию, но искали мотивов все же приговор изменить.

3. Переквалификация преступления с политического на уголовное и, следовательно, снижения меры наказания по приговору.

4. Не препятствовать обще-вредительской работе Верхсуда по линии Президиума и Пленума (подробно в моем первом показании), в комиссии по делам частных амнистий проводить линию на освобождение вовсе от наказания, или резкого снижения наказания.

5. И последнее - всячески оберегать, не допуская привлечения к ответственности за вредительство в сельском хозяйстве специалистов и подобные дела сводить к ст. ст. должностного упущения по службе с привлечением к дисциплинарной ответственности.

Эта вредительская работа увязана была с Верхсудом и ясное дело цель, которая преследовалась - визова недовольства со стороны населения советской властью -бесспорно имела свои результаты.

Вторым вредительским актом, в котором ВЫШИНСКИЙ и КРЫЛЕНКО принимали активное участие в те и последующие годы издавались учебники для правовых школ, всевозможные брошюры по юридическим вопросам, которыми пользовались судебные работники и нередко можно встретить издание, выпущенное под редакцией ВЫШИНСКОГО и КРЫЛЕНКО. Во всех этих учебниках и брошюрах выпячивалась право-троцкистская контрреволюционная идеология. Достаточно сказать, что только в 1937 году из этого контрреволюционного хлама около 40 изданий. Что это случайность? Именно на этом участке, как и в первом случае проводилась последовательная право-троцкистская линия, тем более, что учебники и правовая литература обычно были рассчитаны на широкий круг читателей и судебных работников. Можно было часто видеть авторов этих изданий в кабинетах ВЫШИНСКОГО, КРЫЛЕНКО и РОГИНСКОГО, договаривающихся о выпуске новых издания.

Контрреволюционная группа Прокуратуры и Верховного Суда проводила активную работу по собиранию и спланированию правых и троцкистов, преимущественно из Комкадемии, института Советского строительства и права (профессоров), где особенно активную роль следует отнести ВЫШИНСКОМУ, КУЗЬМИНУ и КРЫЛЕНКО. Спланирование проводилось под видом работы в институте по изучению преступности, существовавшем при НКЮ. Истинное же содержание работы преследовало политическую цель об"единения право-троцкистских взглядов на политику партии в области судебно-уголовной политики и советского строительства и права.

Там, в институте, проходящие люди чувствовали себя более свободно, открыто пропагандировали и высказывали право-троцкистские контрреволюционные установки. Этими совещаниями обычно руководили ВЫШИНСКИЙ, и КРЫЛЕНКО. Достаточно сказать, что за короткий промежуток времени в стенах института образовалась довольно крепкая группа правых и троцкистов ПИРВИНДТ, ЭСТРИН, ПИОНТКОВСКИЙ, РУБЕНШТЕЙН, ПАШУКАНИС, АМФИТЕАТРОВ, СПАСОКУКОЦКИЙ и КУЗЬМИН. Это те самые, которые и проводили вредительскую работу в учебниках и брошюрах, содержанием же работы, как он представлял тогда, с моей точки зрения, никакой практической пользы, как для НКЮ, так и для судебных работников не давал и являлся, я повторяю, местом контрреволюционной право-троцкистской работы.

С переходом ВЫШИНСКОГО на работу в Прокуратуру Союза, за ним потянулись и его сторонники РОГИНСКИЙ в качестве заместителя, ПИРВИНДТ и др. Таким образом, ВЫШИНСКИЙ постепенно окружает себя своими людьми для того, чтобы легче проводить контрреволюционную работу.

Надо отметить, что ВЫШИНСКИЙ за время его работы еще в Прокуратуре Республики, вел обработку краевых прокуроров и близких к нему лиц.

Прокурор Восточно-Сибирского края ФРИДБЕРГ - бывший меньшевик, БУРМИСТРОВ - Средне-Волжского края, имеющий серьезное партийное взыскание и стоял вопрос об исключении из партии за Самарские дела. Прокурор Московской области был исключен из партии, но восстановлен и направлен им в Челябинск, БАРКОВ-

- 6 -

Западно-Сибирский край пользовался большим покровительством ЭЙХЕ и ВЫШИНСКОГО и поэтому был награжден в связи с 15 летием Прокуратуры орденом Трудового Красного Знамени. ПИЛЬГОВ - Ленинградский, находившийся в близких отношениях с КАБАКОВЫМ и ряд других.

Записано собственноручно - (ЕРЕМИН Моисей Никитич)

10 июля 1938 года.
Заявление принял:

Начальник 1 отделения 4 отдела УГБ УНКВД С/О
Мл.Лейтенант Гос.Безопасн. (Комов)

В Е Р Н О: Зам.Нач.9 отделения 2 отдела ГУГБ
Лейтенант Гос.Безопасности -

Доронкин (Доронкин)

ВЫПИСКА

Из показаний арестованного ЛЕПЛЕВСКОГО Григория Моисеевича - был Зам. прокурора СССР. -

от 9 июня 1938 года.

"В дополнение к данным мною ранее показаниям считаю необходимым сообщить следствию о двуручнической деятельности ВЫШИНСКОГО А.Я.

Впервые с ВЫШИНСКИМ я познакомился в 1926 году на работе в Совнаркоме Союза ССР. С образованием подготовительной комиссии при СНК СССР ВЫШИНСКИЙ был назначен членом этой комиссии как председатель ее, я неоднократно давал ему деловые поручения.

Личного политического контакта до перехода на работу в Прокуратуру СССР у меня с ВЫШИНСКИМ не было. Я знал, что ВЫШИНСКИЙ с 1903 г. до 1920 г. был активным деятелем партии меньшевиков

Спустя короткий срок после моего прихода в Прокуратуру я обнаружил двуручнический характер ВЫШИНСКОГО. На словах восторгаясь политикой партии и мудростью руководства, на деле действовал против интересов партии и Советского государства, всячески стремился к тому, чтобы установить тесный контакт и дружбу с руководством НКВД в лице ЯГОДЫ, МОЛЧАНОВА и БУЛАНОВА, опасаясь как бы против него не было создано дело, как меньшевика в прошлом.

Часто в порядке междуведомственных соглашений решал совместно с ЯГОДОЙ важные вопросы без внесения их на одобрение руководства партии и правительства. Так, например, с ведома ЯГОДЫ и по его настоянию, ВЫШИНСКИЙ совместно с ПРОКОФЬЕВЫМ подписал циркуляр об освобождении из лагерей лиц, осужденных к различным срокам лишения свободы, которым осталось отбывать заключение меньше года. Мои настойчивые указания, что циркуляр не может быть издан Прокуратурой и НКВД без санкции Правительства, что фактически проводится амнистия, что это право предоставлено только Президиуму ЦИК СССР, были оставлены без внимания.

В мае или июне 1936 года в Прокуратуру СССР поступила жалоба литератора ПАРФЕНОВА, троцкиста, на имя ВЫШИНСКОГО. Насколько я помню, в этой жалобе ПАРФЕНОВ ругал МОЛЧАНОВА, одновременно сообщил, что он скрыл от следствия враждебную троцкистскую деятельность группы ЯКОВЛЕВА А.ЯФ, ПУМЯЦКОГО Б. и УРИЦКОГО, что эта группа ряд лет вела скрытую борьбу против В.М.МОЛОТОВА, М.И.КАЛИНИНА и В.Е. ВОРОШИЛОВА.

Письмо ПАРФЕНОВА ВЫШИНСКИЙ не передавал несколько дней в ЦК ВКП(б), я позвонил об этом ПОСКРЕВЫШЕВУ, после чего ВЫШИНСКИЙ, как он мне заявил, переслал письмо, но по телефону при мне предварительно сообщил об этом МОЛЧАНОВУ.

Летом 1936 года ВЫШИНСКИЙ при участии ФИЛИППОВА, близкого к ЯГОДЕ человека, принимал неоднократно жену ЯГОДЫ АВЕРБАХ и помог ей в выпуске ее книги: "От преступления к труду".

Книга была выпущена под его редакцией и с его вступительной статьей. В связи с политической энергично проводимых репрессий против изменников и врагов Советского государства, делился со мной своими настроениями и волнениями.

ВЫШИНСКИЙ выражал свое недовольство размахом репрессий, о чем мне не раз говорил РОГИНСКИЙ Г.К., с которым ВЫШИНСКИЙ гораздо чаще делился своими политическими настроениями, знал его много лет по совместной работе. Внутри прокуратуры СССР поддерживал и лично дружил с СЕГАЛОМ и РОЗОВСКИМ, намечал их на пост своих замов, о чем однажды сообщил мне и РОГИНСКОМУ.

Троцкистов КУЗЬМИНА (б. прокурора БССР) и ШЛЯПОЧНИКОВА (зам. директора института уголовной политики) всячески защищал продолжительное время. В целях защиты этих лиц от разоблачения дал поручение ШЕЙНИНУ, ОСТРОГОРСКОМУ и ПРУССУ допросить ряд арестованных участников право-троцкистской организации в Киеве и Ленинграде.

Указанные прокурорские работники привезли положительные протоколы допросов и обелили ШЛЯПОЧНИКОВА и КУЗЬМИНА. Впоследствии эти лица были разоблачены органами НКВД, как враги.

Большое волнение ВЫШИНСКИЙ обнаружил после ареста КРЫЛЕНКО, с которым много лет совместно работал, неоднократно высказывал опасения, как бы против него не было дано неблагоприятных показаний арестованными крупными работниками Прокуратуры, Верховуда и НКВД СССР.

После ареста СЕГАЛА ВЫШИНСКИЙ вызвал меня и РОГИНСКОГО на деловое совещание и между прочим сказал нам: "СЕГАЛ арестован, теперь мы с Вами наполовину в НКВД".

Выписка верна:

ЗАМ. НАЧ. 9 ОТД 2 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Дорожкин (ДОРОЖКИН)

ВЫПИСКА

из протокола допроса арестованного ЧУДНОВСКОГО
Самуила Гдальевича - быв. председателя Ленинград-
ского облсуда.

От 13 мая 1937 года.

... НАХИМСОН мне сообщил, что в органах юстиции кроме него, НАХИМСОНА, участниками организации правых являются следующие лица:

ВЫШИНСКИЙ - прокурор СССР, в то время он занимал пост прокурора РСФСР.

Конкретно о их деятельности НАХИМСОН мне тогда не говорил. Он сообщил лишь о том, что ВЫШИНСКИЙ непосредственно связан с центром организации правых в лице РЫКОВА и ТОМСКОГО. Тогда же НАХИМСОН сообщил, что в организации правых состоит председатель ОГПУ ЯГОДА и, что в связи с этим подпольная организация правых гарантирована от провалов.

На мой вопрос, откуда НАХИМСОНУ известно, что ЯГОДА является участником организации? Он ответил, что это ему известно со слов ВЫШИНСКОГО, который с ЯГОДОЙ поддерживает непосредственную связь.

Участниками организации правых в аппарате Облсуда и прокуратуры Уральской области являлись следующие лица:

ПАЛЬГОВ - бывший облпрокурор Уральской области, вовлеченный в организацию мною в 1930 году. Впоследствии ПАЛЬГОВ установил непосредственную связь с руководи-

телем правых по линии прокуратуры - ВЫШИНСКИМ .

При встрече со мной в 1932 году НАХИМСОН передал мне установки, в разрезе которых вела работу организация правых в органах юстиции. При этом НАХИМСОН сказал, что установки, которые он мне передавал являются директивой ВЫШИНСКОГО, как руководителя организации правых в органах юстиции.

Практически НАХИМСОН от имени ВЫШИНСКОГО предлагал создавать кадры организации правых в аппаратах судов и прокуратуры на периферии, с тем, чтобы обеспечить проведение линии правых в работе органов юстиции.

Основной задачей, которую выдвигал НАХИМСОН, как участник организации правых, являлось последовательное проведение линии на провоцирование политических недовольств среди населения города и деревни против политики партии и правительства. "Суд", как говорит НАХИМСОН, является лучшим агитатором, суд является наиболее острым и сильным орудием и это орудие должно быть направлено против существующего режима в стране. Нам нужно мерами нашей карательной политики озлобить мужика в деревне, чтобы он понял, к чему его ведет политика ВКП (б). Надо бить по середняку и колхознику, чтобы вызвать у него озлобление против коллективизации, против колхозов и всей системы мероприятий партии в отношении деревни.

Добиться этого можно политикой поощрения массовых арестов колхозников и трудящихся единоличников,

применением в отношении этих слоев мер суровых репрессий. Делать все это нужно во имя и от имени партии, а политический результат об этом будет как нельзя более сильным.

Второй важнейшей задачей организации правых по линии органов юстиции являлась вредительская работа в области проведения карательной политики в отношении классово-враждебных элементов в стране. Практически ставилась задача - лишить карательную политику ее основной роли, роли действенного орудия в классовой борьбе. Эту работу, - как говорил НАХИМСОН, - можно проводить в широком масштабе, не навлекая на себя никаких подозрений. Нужно предпринимать все возможные меры, чтобы затягивать политические актуальные дела и тем самым смазывать их политическое значение в тот или иной острый период борьбы. Решительным образом смягчать приговора по делам о контрреволюции, причем смягчать где только это возможно: в суде, при рассмотрении дел в кассационных коллегиях, при рассмотрении в порядке надзора и т.п.

НАХИМСОН мне сообщил, что ВЫШИНСКИМ дана директива - решительным образом ослабить карательную политику по делам о контрреволюционном кулацком саботаже хозяйственно - политических кампаний: хлебозаготовки, посевная кампания и т.п. путем вынесения слабых пригово-

воров и срыва своевременного рассмотрения дел. Одновременно дана установка поощрять массовые аресты колхозников и трудящихся единоличников, с целью возбуждения политических недовольств среди крестьянства и отрыва большого количества рабочей силы от сельскохозяйственных кампаний.

В 1933 году, при встрече с НАХИМСОНОМ у него в кабинете, НАХИМСОН сообщил мне, что по директиве ВЫШИНСКОГО правыми по линии судов и прокуратуры дано указание о дискредитации правительственного закона об охране социалистической собственности от 7-го августа 1932 года.

Конкретно НАХИМСОН предлагал использовать этот закон и под флагом охраны социалистической собственности ударить по трудящимся единоличникам и особенно по колхозникам. При этом имелось в виду — добиться двух результатов: с одной стороны нанести чувствительный удар по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и спровоцировать политические недовольства среди колхозников политикой партии и правительства; с другой дискредитировать закон об охране социалистической собственности.

НАХИМСОН мне сообщил, что линия на извращение карательной политики в отношении контрреволюционных и классово-враждебных элементов и тактика массового

провоцирования политических недовольств среди населения путем применения массовых репрессий и провокационных приговоров в отношении социально близких слоев города и деревни, проводится по прямому заданию союзного центра правых.

В 1932-33 г.г. по директиве организации правых, в частности ВЫШИНСКОГО, переданной НАХИМСОНОМ, мною и ПАЛЬГОВЫМ была проведена большая работа по дискредитации правительственного закона от 7-го августа 1932 года об охране социалистической собственности. Высокая карательная санкция этого закона была нами использована в целях нанесения жесточайших репрессий в отношении колхозников и трудящихся единоличников, с целью провоцирования массовых политических недовольств и обострения политических настроений в деревне.

Со слов ПАЛЬГОВА мне известно, что правыми под руководством ВЫШИНСКОГО проводилась в течение 1934-36гг. интенсивная работа по срыву дел, связанных с контрреволюцией.

ПАЛЬГОВ мне рассказывал, что ВЫШИНСКИЙ официально всегда давал указание на быстрое и жестокое проведение дел по контрреволюции, а вместе с тем ему лично и другим членам организации неоднократно давал указания, ссылаясь на свою центральную практику проводить следующую линию : по отдельным делам, которыми интересуются высшие партийные инстанции, проявлять себя решительным и умеющим быстро и правильно реагировать. По остальным

- 6 -

же делам использовать каждую букву процессуального кодекса, чтобы всячески их тормозить и возможно больше воздействовать на смягчение приговоров. О таких же указаниях со стороны ВЫШИНСКОГО мне в конце 1936 года рассказывал и заместитель ПАЛЬГОВА по спецчасти ШПИГЕЛЬ, также участник организации, завербованный ПАЛЬГОВЫМ.

При встрече в 1935 году ПАЛЬГОВ мне говорил о том, что ВЫШИНСКИЙ ему прямо говорил, что опасаться провала не надо, так как в организации правых состоит ЯГОДА и он правых никогда разоблачать не будет, что благодаря ЯГОДЕ правые полностью гарантированы от разоблачения.

ПАЛЬГОВ мне говорил, что тот факт, что контрреволюционная деятельность правых не была вскрыта к моменту первого процесса троцкистской организации в августе 1936 года, является прямым результатом того, что ЯГОДА сам является участником организации и через своих людей в аппарате НКВД умышленно скрывает подпольную контрреволюционную работу правых, дезориентируя в отношении правых руководство ЦК ВКП(б). Об этом, как говорил ПАЛЬГОВ, он знает со слов ВЫШИНСКОГО.

Об этом ПАЛЬГОВ мне рассказал, в связи с опубликованием сообщения ВЫШИНСКОГО, вскоре после августовского процесса по делу троцкистско-зиновьевского центра, об отсутствии юридических данных для привлечения к ответственности РЫКОВА, ТОМСКОГО и БУХАРИНА.

- 7 -

ПАЛЬГОВ тогда же сказал, что никаких данных и не будет добыто до тех пор, пока во главе НКВД будет сидеть ЯГОДА.

В конце 1936 года и в начале 1937 года ПАЛЬГОВ мне начал говорить о том, что его очень смущает резко изменившееся к нему отношение со стороны ВЫШИНСКОГО, что после проведения августовского и январского процессов по делам троцкистской организации ВЫШИНСКИЙ стал избегать встреч с ним и разговоров об организации.

25-го февраля 1937 года ПАЛЬГОВ у меня в кабинете, в ожидании открытия совещания судебных работников, заявил мне, что у него создалось впечатление, что ВЫШИНСКИЙ чувствует неизбежность провала правых и хочет, укрепив доверие к себе на проведении этих двух процессов, отойти от правых.

ПАЛЬГОВ говорил, что ВЫШИНСКИЙ его запутал вконец и что он не видит для себя выхода, что, судя по поведению ВЫШИНСКОГО, он, ПАЛЬГОВ, опасается как бы ВЫШИНСКИЙ его не предал.

ВЫШИНСКИЙ, - как говорил ПАЛЬГОВ, - очень ловкий человек и он это сумеет сделать.

Когда я сказал ПАЛЬГОВУ, что он преувеличивает опасность, он мне ответил: "Разве ты не знаешь, что ВЫШИНСКИЙ прислал ЖДАНОВУ копию протокола ячейки юридического факультета от 1926 года, где указано, что я проработывался, как троцкист". Этот документ очень тяжело

повлиял на ПАЛЬГОВА, а первого марта я узнал, что ПАЛЬ-
ГОВ застрелился".

ЗАМ. НАЧ. 9 ОТД. 2 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД -
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕН. БЕЗОПАСНОСТИ:

Доронкин

/ДОРОНКИН/

" " и ю н я 1939 года.